

У внучки ²²⁰⁷ Льва Толстого

«В салон входит пожилая женщина с элегантной прической и веселой, располагающей улыбкой на лице. Трудно, конечно, узнать в ней ту маленькую девочку, которую снимал фотограф свыше семидесяти лет назад рядом со Львом Николаевичем. Однако Татьяна Михайловна Альбертини (по мужу) и есть та самая Таня, Танюшка, Танечка — любимая внучка Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых».

Корреспонденцию Николая Паклина «У внучки Льва Толстого» читайте на стр. 6.

Из ПРИХОЖЕЙ поднимаюсь на второй этаж квартиры по деревянной, чуть поскрипывающей лестнице. Впечатление такое, будто находишься в старинном московском особняке. Но стоит посмотреть в окно, и перед глазами предстает типично римский пейзаж.

Перед входом в просторную гостиную у стенки стоит маленький столик с бюстом Льва Николаевича Толстого работы П. П. Трубецкого. Взгляд останавливается на трех крупноплановых фотографиях Льва Николаевича Толстого. Рядом с ним — одна и та же девочка.

В салон входит пожилая женщина с элегантно прической и веселой, располагающей улыбкой на лице. Трудно, конечно, узнать в ней ту маленькую девочку, которую снимал

У ВНУЧКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

фотограф свыше семи десятилетий назад рядом со Львом Николаевичем. Однако Татьяна Михайловна Альбертини (по мужу) и есть Тая, Танюшка, Танечка — любимая внучка Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. Кто читал дневники С. А. Толстой, тот не раз встречал в них это имя. Бабушка не чаяла в девочке души.

С журналистским пристрастием расспрашивал я Татьяну Михайловну, помнит ли она своего деда.

— Воспоминания, конечно, туманные. Ведь когда он умер, мне было пять лет. А вот бабушку я помню отчетливо. После

смерти моего отца мы переехали с мамой осенью 1914 года из Кочетов в Ясную Поляну. С бабушкой я была неразлучна до самой ее смерти 4 ноября 1919 года.

Любовь бабушки к Льву Николаевичу с годами не убывала. Редко какой день за все годы, что я провела с ней в Ясной Поляне, мы не ходили на его могилу. Она гордилась им. Ей доставляло огромное удовольствие показывать посетителям дом, где жил Лев Николаевич, рассказывать о нем и о его работе. Приезжали к нам рабочие, студенты. Был М. И. Калинин, с которым мы все пили чай на террасе.

О всенародной любви к Л. Н. Толстому Татьяна Михайловна рассказывала так:

— Летом-осенью 1917 года в период непродолжительного правления Временного правительства по Тульской губернии прокатилась волна крестьянских бунтов. Изголодавшиеся по земле крестьяне громили и жгли помещичьи усадьбы. Крестьяне Ясной Поляны пришли к моей матери и сказали, что они, конечно, вреда своим Толстым не причинят, а вот за крестьян из других деревень поручиться не могут. Но Ясная Поляна не осталась беззащитной. Как мы потом узнали, охранять ее приходили каждый вечер тульские рабочие чугунолитейного завода с Косой Горы. Делали они это по велению сердца и настолько деликатно, что мы долго ничего не знали. Хочу особо отметить, что бабушка относилась к Ясной Поляне не как к своей собственности, а как к памятнику-музею, который является достоянием всей России.

ВСКОРЕ после того как Софья Андреевна умерла, Татьяна Михайловна с матерью уехала в Москву: надо было работать, учиться. Но каждое лето они приезжали в Ясную Поляну. В Москве, в бывшем доме Сологуба, а вернее, в пристройке к нему, им выделили две комнатки. Татьяна Михайловна училась в школе, потом поступила в литературно-художественный институт, где директорствовал В. Я. Брюсов. Однако учиться ей не довелось: она заболела туберкулезом. Ее мать Татьяна Львовна стала директором Государственного музея Л. Н. Толстого.

— По делам музея мама часто бывала у А. В. Луначарского, и тот как-то спросил ее, почему у нее грустный вид, — вспоминает Татьяна Михайловна. — Мама расплакалась и рассказала, что я серьезно больна от недоедания. Луначарский тотчас же отправил нас в санаторий для артистов и писателей.

Как случилось, что Татьяна Михайловна покинула Родину? Вот что я записал с ее слов:

— В 1925 году я заболела. Мама очень беспокоилась о моем здоровье. А тут как раз ее пригласили выступить с лекциями у Л. Н. Толстого в Англии и Франции. Прислал приглашение приехать погостить президент Чехословакии, большой поклонник Льва Николаевича. Нам выдали заграничные паспорта. Я обливалась слезами, не хотела уезжать: у меня был в то время роман. Но тот, кого я полюбила, был женат. Думаю, что мама решила уехать более всего для того, чтобы положить конец нашим отношениям. Она обещала мне вернуться в Москву через шесть месяцев. Месяцы растянулись на годы, годы — на десятилетия. За рубежом мы долго бедствовали, денег не было: ведь Лев Николаевич отказался от всех авторских прав. Как-то мы решили пойти в Париже в кино. На экраны только что вышла «Анна Каренина» с Гретой Гарбо в главной роли, и нам очень хотелось посмотреть эту ленту. Каково же было наше разочарование, когда оказалось, что билеты стоили для нас слишком дорого! Мы возвращались домой поникшие, в подавленном состоянии духа. Заработки наши были более чем скромные. Мама зарабатывала на жизнь тем, что иногда читала лекции о Льве Николаевиче. Я поначалу делала искусственные цветы в крохотной мастерской, затем окончила курсы стенографисток и пошла работать секретаршей в банк.

— Татьяна Михайловна, а как вы стали синьорой Альбертини?

— Стала во Франции артисткой. С труппой приехала в Италию, где и познакомилась с будущим мужем. В общем, обычная история. Но если бы пришлось повторить жизнь, вряд ли я вновь вышла замуж за иностранца. Чем больше идут годы, тем больше я чувствую себя исконно русской...

— Мы собрались поехать на родину, но заболела мама, — говорит Татьяна Михайловна. — С 14 лет она вела свой дневник. Н. Н. Гусев взял из дневника кое-какие выдержки и включил их в биографию Л. Н. Толстого. Орывки из дневника были опубликованы и в «Новом мире» (1973, № 12). Затем, когда я приехала в Москву, дневником заинтересовались исследователи творчества Льва Николаевича, в частности К. Н. Ломоносов. По их просьбе я послала в музей находившийся у меня оригинал дневника — 24 тетради.

Мне было известно, что Татьяна Михайловна вновь приехала в Москву лишь в 1975 году, то есть 50 лет спустя после своего отъезда оттуда. И я никак не мог взять в толк, что ей мешало совершить поездку много раньше.

— Может показаться смешным, но я просто трусила ехать на родину, боялась, что в Ясной Поляне не справлюсь с переживаниями и волнениями. Спасибо одному советскому дипломату — он помог мне собраться с силами и преодолеть страх

перед встречей. В Москве меня встретили сердечно. Я побывала в дорогой моему сердцу Ясной Поляне и нашла все, как было в те далекие годы, когда я жила там с бабушкой и мамой. Я убедилась, что звет Софьи Андреевны сбылся: Ясная Поляна принадлежит русскому народу в широком смысле этого слова.

Затем я еще несколько раз приезжала в Москву. С пустыми руками я не люблю ездить и всегда что-нибудь беру в подарок музею Л. Н. Толстого из семейного архива. В 1979 году я подарила музею самую дорогую для нашей семьи толстовскую реликвию — золотое кольцо с двумя бриллиантами и рубином. Это кольцо известно под названием «Анна Каренина», так как его подарил за ее бабушке Лев Николаевич. Я помогу при написании «Анны Карениной», которую бабушка переписывала много раз. Это кольцо изображено на бабушкином пальце на ее портрете, который теперь висит в Ясной Поляне. В моей памяти сохранился летний день 1919 года, когда бабушка позвала маму и меня к себе и стала разбирать при нас те немногие драгоценности, которые у нее были. Нам она подарила лучшие из них — маме это кольцо, а мне — свои золотые часы с цепочкой. Часы мы «проели» в трудные годы... Ну, а с чем я ездила в последний раз в Москву, вы сами знаете...

ИВПРЯМЬ, подготовка к последней поездке Татьяны Михайловны на родину летом 1982 года проходила при мне. С заговорщицким видом она провела меня в одну из комнат, сдвинула в сторону на полке книги и достала небольшую коробочку. Ничего не говоря, она открыла ее. В эстетическом свете блеснул браслет. «Этот браслет я решила подарить толстовскому музею, — сказала Татьяна Михайловна. — Сколько ему лет — не знаю. Мало что известно и о его истории. Его хранила моя мать как редкостную родовую реликвию. Ей он достался от Софьи Андреевны, которая, мы полагаем, в свою очередь унаследовала его от матери Льва Николаевича — Марии Николаевны Волконской.

Из этой последней поездки с двумя взрослыми внуками в нашу страну Татьяна Михайловна вернулась радостная, даже помолодевшая.

— Я довольна, что внесла свою лепту, пусть крохотную, в пополнение фондов толстовского музея в Москве, — говорит Татьяна Михайловна. — Все, что связано с жизнью и деятельностью Льва Николаевича, должно находиться на родине, которую он беззаветно любил.

Николай ПАКЛИН.

РИМ.